

Безликие герои. Козьма Крючков

Если бы мы могли встретить человека, жившего в те далекие годы, и спросить его о том, имена каких героев на слуху больше всего, то без сомнения был бы назван он – донской казак Козьма Крючков. О нем слагали стихи, писали песни, публиковали статьи, выходили брошюры, выпускались плакаты. Появились даже специальные папиросы с его портретом на коробке. Ф.И. Шестаков писал:

«Донской казак Крючков удалый! // Едва над Русскою землей// Раздался гром войны кровавой, // Как ты достойно новой славой// Успел прославить Дон родной».

Так чем же успел прославиться этот казак-удалец?

В начале августа 1914 года 1-я русская армия производила мобилизацию и занимала исходные районы с целью развить наступление вглубь Восточной Пруссии. Пока происходило сосредоточение основных сил границу прикрывали отдельные части и подразделения, среди них – 3-я кавалерийская дивизия, в состав которой входил 3-й Донской казачий полк. 9 августа из его состава в район местечка Любов был направлен в боевое охранение пост казаков. Через два дня вечером 11 августа появились сведения о вражеском лазутчике. На следующий день, вероятно, где-то в 7 часов утра¹, от местных жителей казаки узнали о приближении немецкого конного разъезда силой в 22 человека (в большинстве изданий говорится о 27, но больше оснований верить не популярной литературе, а приказу о награждении Крюčkова Георгиевским крестом, где фигурирует эта цифра). Казаки – **Козьма Крючков** вместе с товарищами **Иваном Щегольковым**, **Михаилом Иванковым** под командованием **Василия Астахова** – бросились ему навстречу.

Они, наверное, надеялись заманить врага в расположение нашей пехотной части или хотя бы наткнуться на соседнее охранение, однако оно, увидев германцев, само ушло. Что ж поделаешь, трусость одних заставляет других проявлять героизм! А его в этот день было хоть отбавляй.

Видимо, настигнув немцев, донцы спешили и открыли огонь. В результате перестрелки было убито четверо врагов. Германцы решили уйти, однако вскоре обнаружили, что их преследует всего лишь небольшой отряд, и теперь уже сами ринулись в атаку.

¹ Отечественная война 1914 года. Ч. 2. М., 1915. С. 20.

Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова. Плакат времен Первой мировой войны

Как потом рассказывал сам К. Крючков:

*«Сперва немцы то, завидя нас было испугались, а потом, расхрабрившись - и полезли. Им было удобней, они на горке, а мы внизу».*²

Сразу же метким выстрелом В. Астахов убил вражеского офицера.³ Казаки бросились врассыпную, но германцы настигли Иванкова, на выручку которому, по распространенной версии, поспешили все остальные.⁴

Тяжесть боя усугубляло и то обстоятельство, что у донцов отсутствовали пики. Если верить официальным данным, 11 немцев окружили К. Крючкова. Сначала он взялся за винтовку, но противник рубанул по пальцам, и ее пришлось бросить. Тогда в ход пошла шашка. Однако ею было сложно достать врага. Поэтому казак уловчился вырвать у одного кавалериста пикку и, отразив большинство ударов, расправился с противником. После непродолжительно боя разъезд оказался наголову разбит и бросился бежать. Не смог уйти и немецкий унтер-офицер, за которым погнался Крючков. Первый удар шашкой пришелся по

² Храбрейшие герои казак Кузьма Крючков и другие казаки и их геройские подвиги. М., 1914. С. 10.

³ Отечественная война 1914 года. Ч. 2. М., 1915. С. 21.

⁴ См. Трут В. Дорогой славы и утрат. М., 2004. С. 148.

каска, которая только прогнулась. Противник пригнул голову, но второй удар почти что полностью отсек ее. Не будем забывать: это были кадровые немецкие военнослужащие, а не простые резервисты.

Вскоре все участники этой стычки получили в награду георгиевские медали, а К. Крючков – Георгиевский крест 4-й ст. В результате, он стал *первым георгиевским кавалером* начавшейся войны. По выписке из лазарета «на вокзале герою казаку были устроены торжественные проводы, и публика качала его и товарищей на руках. Местное общество поднесло ему крупный денежный дар».⁵ И это были не единственные подарки. К примеру, дирекция Русско-азиатского банка вручила золотую казачью саблю. Подобный дар – казачью шашку с соответствующей гравировкой – сделали и сотрудники газет «Новое Время» и «Вечернее Время».⁶

Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова. Плакат времен Первой мировой войны

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 65.

В дальнейшем Крючков продолжил участие в боевых действиях, находясь при штабе дивизии и заработав ряд других наград. В 1914-15 гг. его боевой путь пролегал по территории Восточной Пруссии. Так, известная певица Н.В. Плевицкая, работавшая санитаркой в одном из госпиталей, в мемуарах писала о поездке в д. Тракенен в январе 1915 года:

«На дворе мы увидели, между прочим, чубатого, с тонким, красивым лицом казака, который учился ездить на велосипеде. Он не обращал на нас внимания, а упрямо одолевал стального коня. Впрочем, этот конь то и дело сбрасывал казака в снег.... Так мы увидели Крючкова, портретами которого уже пестрили все журналы. Княгиня (попечительница Николаевской общины княгиня Васильчикова – П.К.) казака сфотографировала. Он позировал неохотно. Генерал Леонтович заметил, что Крючков «не очень дисциплинирован». Когда Крючков хочет идти в разведку, а генерал не разрешает, он упрямо трясет чубом, повторяя: «А почему, а почему?»».⁷

На попытки самой Н. Плевицкой сфотографироваться с ним казак ответил категорическим отказом, сославшись на то, что он человек женатый и не имеет право фотографироваться с другой женщиной.⁸

П.А. Аккерман, служивший при штабе 3-й кавалерийской дивизии, в воспоминаниях отмечал, что попытавшись заговорить с первым георгиевским кавалером о его подвиге «мне показалось, что ему или надоело, или, по скромности, неприятно распространяться о своем геройстве. Достаточно поузнав его за время совместного пребывания в нашем штабе, – я склонен думать, что причиной была его скромность».⁹

⁷ Цит. по. Плевицкая Н. Мой путь с песней // Сельская новь. 2002. 9 янв. С. 3.

⁸ Литтауэр В. Русские гусары. М., 2006. С. 117.

⁹ Аккерман П.А. В штабе дивизии // Голос минувшего. 1917. № 11-12. С. 316. Не отрицая подвиг, приведем выдержки из мемуаров начальника 27-й К.М. Адарида: «К окрестностям города (Сувалки. – К.П.) подходил также слабый германский разъезд 10-го конно-егерского полка, но был отогнан казаками, высланными командиром Оренбургского полка Полковником Комаровым, в распоряжении которого находился взвод конвойной полусотни. Во время этой стычки сторонами были понесены первые за войну потери: немцы оставили на месте одного убитого, а из казаков один был ранен. Последнего Командующей армией наградил георгиевским крестом и он, таким образом, явился первым по счету георгиевским кавалером в мировую войну» (Адарида К.М. Русская армия в Великой войне: 27 пех. дивизия в боях 4 (17) Августа 1914 г. под Сталупененом и 7 (20) Августа под Гумбинненом // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, кн. 8, 1926. С. 163-164). Подобный альтернативный взгляд на события требует дополнительной проверки (действительно ли Адарида имеет ввиду Крючкова, а не какого-нибудь другого неизвестного героя).

Священная война. Плакат времен Первой мировой войны

Если говорить о Крючкове с позиции созданного образа, то интересно отметить несколько уровней его «мифологизации». Во-первых, он, естественно, представлялся в качестве народного героя, облеченного удивительной силой и удалью. Как писал один автор: «Казаки – ребята все очень отважные, но до Кузьмы Крючкова, конечно далеко, он какой-то особенный, он и в жизни-то сорви-голова, удалец-молодец, и такой неустрашимый, что в огонь и в воду пойдет... для него все равно, и чем опасней, тем для него лучше». Здесь подчеркивается уникальность героя, проводится разграничительная черта между ним и всеми остальными.

Во-вторых, акцент делался на особой удали присущей только казакам, которые представлялись на подобии некоего русского «супероружия», беспощадно разящего врагов. «Это действительно непобедимая сила, больше – стихия, именно и вызывает невероятный ужас у того, против кого она направлена», – говорилось в одном из пропагандистских изданий. Всегда подчеркивалась склонность казаков к атаке, их жажда боя, если даже не

кровожадность. В этом контексте образ Крючкова становился живой иллюстрацией подобных выводов. Вот какие слова вкладывались в уста первого георгиевского кавалера: «Эх ребята, как руки чешутся, скорей бы с немчурой встретиться, такого им жару подпущу, что небу будет жарко, по паре на пику буду сажать, а разахочусь, так и по пятку не сорвутся!». Подобное, чуть ли не гротескное преувеличение, становилось почти что нормой. Таким образом старались подчеркнуть силу русской армии, заставить народ поверить в нее и убедить в скорейших победах (которые, к сожалению, не последовали).

В-третьих, казак и его подвиг сравнивался с былинными героями и их деяниями, а сам он назывался чудо-богатырем (этот эпитет в то время часто приписывался не только ему, но и всем русским солдатам). Имя Крючкова стало нарицательным, синонимом русской удали и славы. И в этом заключается уже высшая степень мифологизации первого георгиевского кавалера, который из простого человека превратился в символ (а если бы не поражение России в Первой мировой войне им бы и остался). Попытки патриотической пропаганды играть с подобными смыслами (затрагивая фольклорные коннотации) можно признать типичными, и в некоторых случаях – даже удачными, хотя в итоге народ так и удалось убедить в необходимости вести войну до победного конца. Попутно отметим, что все это вносило вклад в героизацию войны. Периодическая печать, и особенно интеллигенция, называли ее священной, очищающей, и одухотворяющей, тем самым показывая моральное банкротство, забыв о притче Достоевского «о слезе убитого ребенка», т.к. зачастую возвеличивалась сама война, а не человеческий подвиг. К сожалению, многим недалёковидным поэтам и интеллигентам виделось возможным прийти в светлое будущее через кровь и страдания простых людей.

После революции К.Ф. Крючков остался верен присяге – он сражался на стороне белогвардейцев и погиб в 1919 г. В советское время имя героя оказалось забыто официальной историей, а на страницах «Тихого Дона» Шолохова еще и опозорено, где казак предстал перед потомками в виде типичного офицерского любимчика (видимо, это проявилось в том, что несмотря на старшинство по званию, он не получил пост в командование), приобретшего награду за обычное столкновение с противником (конечно, четверо против 27 - норма для советского времени), да и в итоге укравшего (несмотря на скромность как отличительную черту характера) славу у других участников стычки. По поводу последнего следует отметить, что при описании подвига его товарищи обычно не забывались, о них также было известно всей России, просто народная молва и пресса уделяли им меньше внимания.